

ОТ КАРАМЗИНА ДО СОЛЖЕНИЦЫНА

Ц. ГРИН,
научный сотрудник

18 мая 1795 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали объявление о начале торгов на постройку здания библиотеки. Это было первое упоминание о Публичке в печати.

Первая национальная библиотека России с самого основания была призвана не только собирать, хранить, изучать произведения печати и памятники письменности, но и предоставлять их людям «всех состояний» в бесплатное пользование: книгохранилище и одновременно библиотека — публичная, общедоступная. Ее справедливо называли «Лабораторным центром русской науки» (Э. Л. Радлов) и народным университетом. Заинтересованность в процветании библиотеки порождала «зоркий контроль общества» (А. Ф. Бычков) за ее деятельностью, вызывала постоянное обсуждение в печати ее задач, устройства и совершенствования в обслуживании читателей, в организации каталогов и справочной службы.

Общественная значимость Императорской Публичной библиотеки (ИПБ) делала ее одним из предметов дискуссий и споров, возникавших в печати в переломные моменты истории страны. Трудно, пожалуй, найти другую библиотеку, о которой были бы сказаны самые проникновенные слова в русской литературе и печати. Например, об обычном читальном зале ИПБ

(ГПБ, РНБ). И это совсем не случайно: через этот читальный зал прошли лучшие люди образованной России XIX и начала XX века. Именно они и помнили о ней всегда, а когда было нужно, вставали на ее защиту. Если проследить за ростом числа публикаций о библиотеке, за приливами и отливами, которые здесь наблюдаются, можно заметить: наибольший интерес в печати ее деятельность вызывала в период «общественного возбуждения умов» (В. В. Стасов).

Особенно активно в борьбе за библиотеку выступало левое крыло русского общественного движения. Декабрист Николай Тургенев резко критиковал обозначившуюся в начале XIX века некоторую официозность Публички, ее удаленность от общества. Революционеры-демократы

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов связывали наступление перемен в России в пятидесятые годы того же столетия с превращением библиотеки из «храма просвещения» в рабочее учреждение, открывшее свои двери будущим «сеятелям» — разночинцам. В начале XX века В. И. Ленин намечал план коренной реорганизации ИПБ. Сравнительный анализ зарубежной и русской библиотечной литературы, видимо, подтвердил бы чисто русский характер этого феномена, когда

судьба общественного переустройства страны почти напрямую связывалась с деятельностью ее национальной библиотеки.

Именно потому, что библиотека служила, по выражению Чернышевского, «подпорой» русской науке и просвещению, литература о ее деятельности и ее сотрудниках обширна, а в идеологическом отношении до определенной степени многоцветна. К сожалению, идеологическое единомыслие, установившееся после 1917 года, сузило возможности выбора целесообразных путей развития Публичной библиотеки и соответственно обсуждение вариантов этого выбора в печати.

Указатели литературы о Публичной библиотеке, вышедшие в свет до 1990 года, содержат около 6000 библиографических описаний. Сейчас готовится дополнение к ним — выявлены некоторые пропуски, появилась возможность обследовать русскую зарубежную печать. А главное — не перестают выходить и новые публикации, отражающие как сегодняшний день РНБ, так и ее прошлое. Меньше половины учтенных в указателях изданий относятся к периоду 1795—1917 годов. Перевес новейшей литературы, естественно, станет с годами еще более ощутимым.

Значительная часть публика-

ций о библиотеке — еще не сама история, а материал для ее построения. Это так называемая «литература факта», газетные статьи и заметки, составляющие хроникальную летопись ее деятельности. Их значение для истории нельзя приуменьшать. Когда в годы Великой Отечественной войны в газетах «Правда», «Труд», «Известия» появлялись скупые сообщения о библиографических изданиях Государственной публичной библиотеки (ГПБ), о ее помощи фронту, о научных конференциях, проводимых в блокадном городе, мир знал: Ленинград живет, живут

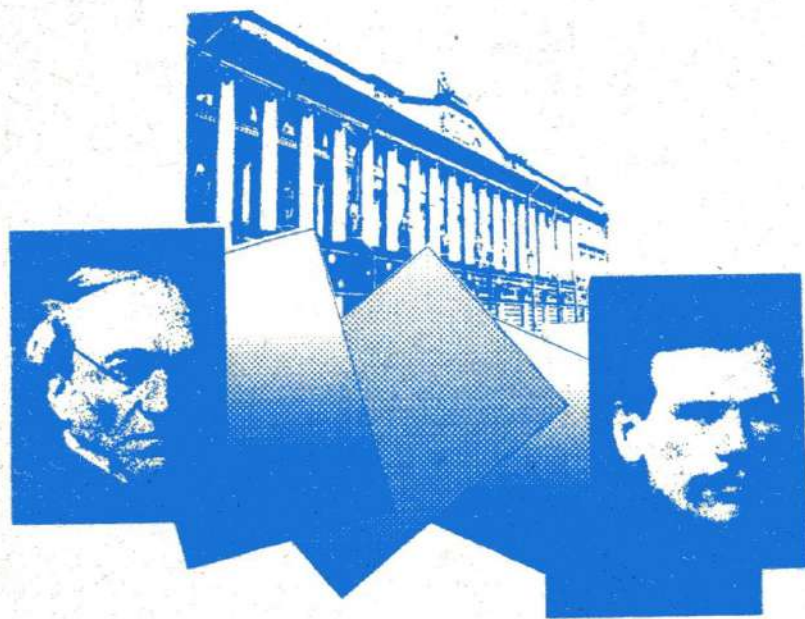
нием (и некоторыми другими) обязан я почтенному А. И. Ермолаеву, любителю и знатоку наших древностей». Можно даже считать, что именно от Карамзина пошла традиция публично благодарить наших библиотекарей за их труд — в предисловиях к научным сочинениям, в примечаниях и комментариях к ним. Эта традиция стала устойчивой и дожила до наших дней. Учет и выявление подобных упоминаний национальной библиотеки России в научной литературе составит предметный комментарий к рассуждениям о ее влиянии на развитие науки и культуры.

читателя. Этот читатель утверждал, что он не может получить журнал, потому что роман читает сам библиотекарь.

Подробности из жизни Публичной библиотеки содержат письма М. Шагинян к З. Гиппиус. Они относятся к 1910 году, когда Маризтта Сергеевна постоянно пропадала в ИПБ, собирая материал для литературных работ. Старожил библиотеки, она занималась не только в читальном зале, но и проникала в книгохранилища, в отделения. Частные письма писала также в читальном зале. Поэтому в них можно найти живые портреты библиотекарей, младших служащих, о которых редко обычно вспоминали мемуаристы (к примеру, упомянутый в письме Шагинян «дядя Федя» пережил революцию, в последующие годы — блокаду Ленинграда и вместе со своей женой Матреной Степановной трудился в библиотеке до начала пятидесятых годов).

Посещая библиотеку, М. Шагинян часто общалась с библиотекарем отделения «Россики» А. Мейером — оригинальнейшей личностью, одним из влиятельных деятелей начавшегося в России в те годы религиозно-философского возрождения. Ее письма, опубликованные в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1988), вместе с некоторыми другими материалами, появившимися в зарубежной эмигрантской печати, позволяют по-новому взглянуть на историю библиотеки в предреволюционные годы. Это был для Публички своего рода «серебряный век». Вместе с А. Мейером служили в библиотеке близкий ему по религиозно-философским воззрениям Г. Федотов, историк церкви и богослов А. Карташов (в будущем — министр Временного правительства), один из руководителей журнала «Мир искусства», редактор его литературного отдела Д. Философов (позднее — ведущий публицист газеты «Речь»), художник и теоретик искусства В. Чудовский, историк А. Браудо, близкий к оппозиционным кругам.

А. Солженицын, много беседовавший с участниками событий 1917 года и собравший огромную мемуарную коллекцию, видимо, не случайно неоднократно переносит действие исторической эпопеи «Красное колесо» в Публичную библиотеку. Среди персонажей произведения есть и сотрудники ПБ. В романе чувствуется отчетли-

и мужественно трудятся библиотекари старейшей в России библиотеки.

Многие из напечатанных отзывов о работе ИПБ (ГПБ, РНБ), о ее значении для русской науки и культуры принадлежат ее читателям. Их социальный и словесный состав менялся по мере демократизации жизни в России.

В XIX — начале XX века трудно было найти в России ученого, который не пользовался бы фондами библиотеки и не прибегал бы к услугам ее сотрудников. Н. М. Карамзин при написании «Истории государства Российского» неоднократно обращался за помощью к директору библиотеки А. Н. Оленину и хранителю рукописей А. И. Ермолаеву. Он был первым из читателей библиотеки, кто публично поблагодарил ее за эту помощь. Помимо обычных ссылок на ее фонды в примечаниях к «Истории государства Российского», «последний русский летописец» счел нужным оговорить: «Сим замеча-

Библиотека занимает заметное место и в истории русской литературы. Воспоминания современников о И. Тургеневе, Н. Некрасове, Ф. Достоевском, Л. Толстом, Н. Чернышевском, Н. Добролюбова, В. Короленко, К. Чуковском, А. Ахматовой, С. Маршаке, О. Берггольц, А. Солженицыне, их переписка, дневники, записи стали частью литературы о РНБ. Например, по выражению Л. Толстого, библиотека «и словом и делом» помогла ему в сборе материала для повести «Хаджи-Мурат» и романа «Декабристы». Переписка Л. Толстого с В. Стасовым, Н. Страховым, другими сотрудниками библиотеки содержит и некоторые детали ее обыденной жизни, иногда носившие характер курьеза. Страхов, например, писал Толстому в 1875 году, что роман «Анна Каренина», который печатался в «Русском вестнике», пользовался таким успехом, что начальству пришлось на днях разбирать жалобу разъяренного

вая политическая ангажированность и библиотекарей, и читателей. В 1963 году А. Солженицын собирал в ГПБ материал для главной своей книги. Об этом он напишет в произведении «Бодался теленок с дубом», об этом же вспоминают его первая жена Н. Решетовская и критик В. Лакшин. Работать в библиотеке ему было удобно (именно в то время Александр Исаевич подарил Русскому фонду повесть «Один день Ивана Денисовича» с дарственной надписью: «Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина с большим уважением и в надежде на длительную дружбу» — А. Солженицын 27.06.63.) и, возможно, в память об этом он вкладывает в уста одной из своих героинь, сотрудницы ГПБ, слова о том, что это счастье — «работать в лучшей русской библиотеке для лучших русских читателей — думцев, публицистов, писателей, ученых, инженеров». О Публичной библиотеке А. Солженицын вспоминает и в «Архипелаге ГУЛАГ», когда отслеживает лагерную судьбу Аристида Ивановича Доватура, нашего сотрудника, известного античника.

С историей ИПБ (ГПБ, РНБ) на протяжении двух веков была связана жизнь нескольких поколений наших соотечественников, и в ней, как и в истории России в целом, «все совпало, все отозвалось» — судьба русской интеллигенции не только в дореволюционные, но и в 20—30-е годы.

Многие читатели приходили сюда студентами и становились

учеными. Читальный зал библиотеки, по выражению одного из ее историков, был «как бы рассадником будущих ученых». Начало этому положено в XIX веке. Товарищи Добролюбова по Главному педагогическому институту вспоминали, как они в «подбитых ветром» шинелишках шли через весь город в библиотеку, здесь отогревались, погружаясь в чтение книг, недоступных в институте. Возвращались домой лишь к вечеру, рискуя остаться без ужина. Частыми посетителями ИПБ в студенческие годы были Чернышевский, Короленко. Студенты составляли в среднем от 30 до 40 процентов всех ее читателей.

К. Чуковский, который был нашим читателем с 1905 года, писал: «Я вспоминаю о ней, как

вспоминают о родине. Даже запах ее для меня упоителен. Работал ли я над рукописями Некрасова или над переводами Шекспира, я спешил — как на любовное свидание — под ее гостеприимные своды и всегда встречал здесь самый дружелюбный, самый радушный прием. Для меня это было единственное светлое место во всем Петербурге тех лет».

Обогреть, дать возможность получить нужные книги, сосредоточиться в тишине, которой иногда не хватает дома и теперь, — эти блага, ценимые любителями книжности, дает РНБ своим читателям и сегодня. Мэр Петербурга А. А. Собчак, вспоминая свои сравнительно недавние студенческие и аспирантские годы, говорит: «Публичная библиотека — тоже очень важная часть моей жизни. Я провел в ее читальных залах, если подсчитать, наверное, несколько лет. И в годы учебы в университете, и в годы аспирантуры, и потом, в годы преподавательской работы... Я очень люблю Публичку. Я всегда приходил туда утром и работал до вечера. Отдыхал там же, читая книги по искусству, журналы».

Этапные даты в жизни библиотеки, как правило, приносят ей новые знаки внимания. Публикации, которые появлялись в печати в юбилейные годы, составляют заметную часть ее историографии. При всей праздничности повода, вызвавшего их к жизни, эти материалы содержат много ценных сведений из истории библиотеки. Русское общество всегда относилось и относится с любовью и вниманием к своей национальной книжной сокровищнице.

